

НЕСГИБАЕМЫЙ

Пролог

Обычный стук в дверь может быть весьма выразительным. Он бывает робким, нервным, ровным, отчаянным, вежливым, уверенным. Да-да, все именно так и обстоит. Сами проверьте — и убедитесь в правоте этих слов. Тут ведь дело не в самом стуке, а в том, кто стучится в вашу дверь, потому что стук — это выражение эмоционального состояния человека.

Этот стук в дверь мастерской инженера Верховцева был требовательным. Так стучат лица, облеченные властью.

— Верховцев, откройте, полиция! — подтверждая его мысли, раздался голос из-за двери на одной из створок ворот.

Пусть они и были набраны из сосновых плах, тем не менее, сработаны на совесть, и до ветхости им еще очень и очень далеко. Да и петли с запором весьма серьезные. Вот так с ходу и не вышибешь. Тут усилия нужны и таран. Ну в крайнем случае — кувалда. К вопросам безопасности Верховцев относился со всей обстоятельностью. Он не так уж и богат, скорее беден, потому каждая железка, а уж тем более инструмент, имеет для него особую ценность.

Ну и, разумеется, его детище. Инженер собирался, ни много ни мало, совершить прорыв в науке и механике. Его открытие должно было перевернуть все существующие представления и создать новую веху в развитии человечества. Перспективы открытия просто завораживали. И пусть его изобретение пока еще несовершенно, с множеством детских болячек, это ни о чем не говорит.

Сегодня паровые машины имеют настолько компактные размеры, что без труда помещаются в сравнительно небольших автомобилях. А ведь начиналось все с таких огромных и неповоротливых махин, что их более века и на кораблях-то установить не могли. Да и принцип использования был, мягко говоря, так

себе. А уж о коэффициенте полезного действия и упоминать нечего.

Изобретение же Верховцева, имея куда более скромные габариты, на выходе будет гораздо эффективнее. Нет, не сейчас. Это дело далекой перспективы. Но эта перспектива есть! Первые корабельные паровые машины уступали коноводным судам, и многие отмахивались от сложных и дорогих устройств. Вот только к тому моменту конноприводные машины отживали свой век, а паровые лишь набирали силу.

Конечно, паровым машинам еще весьма далеко до предела, и век их будет долг. Но его изобретение оставит их далеко позади. Верховцев был в этом уверен. И ярким тому подтверждением служит его детище — двигатель внутреннего сгорания. Правда, он пока не нашел инвестора, готового вложиться в разработку, но не терял надежды. Точнее, инженер верил в свой успех.

А пока суть да дело, продолжал совершенствовать новое устройство. Вот он, собственноручно собранный им первый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания. По сути, пока только рама на колесах с широким сиденьем в виде скамьи. Но он бегаёт. Причем практически не уступает своим паровым конкурентам. Ну почти не уступает, а в чем-то и превосходит. Хотя недостатков, конечно, пока хватает.

Поначалу мотор работал достаточно шумно, распугивая прохожих, собак и кошек. Но постепенно с помощью глушителя, выполненного по принципу прибора для бесшумной стрельбы, удалось значительно понизить шум. Заплатить за это пришлось небольшой потерей мощности. И все равно двигатель работал куда как громче паровой машины.

Верховцев постоянно дорабатывал свое изобретение, с каждым разом добиваясь все лучших результатов. Но, к сожалению, по надежности соперничать с паровой машиной его двигатель пока не мог. Вот и после последних испытаний автомобиль доставили в мастерскую с помощью нанятой лошади. Но это нормально. Мать всегда рождает своего ребенка в муках. Главное, не отчаиваться, сделать надлежащие выводы и продолжать идти вперед.

Верховцев бросил взгляд на автомобиль, потом обернулся к помощнику. Молодой парень, скорее даже мальчишка, с масляными разводами на лице. Без тени испуга он смотрел на ин-

женера, и все его лицо выражало непонимание. Полиция? Нет, если бы испытатели задавили хотя бы курицу... И потом, их памятная поездка состоялась три дня назад. Даже если и возникли какие претензии, как-то полицейские припоздали.

— Саша, давайте-ка, от греха подальше, вы выйдете через заднюю дверь, — проворачивая ключ в замке черного хода, тихо предложил инженер.

— Зачем, Павел Валентинович? — искренне удивился подросток, также не повышая свой пока еще не сломавшийся чистый голос.

Хороший вопрос. Вот только ответа у Верховцева не было. Он знал, что чист перед законом. Понимал, что полиции нечего делать в его мастерской. Он даже в молодости не состоял ни в каких политических кружках, без остатка отдаваясь будущей специальности. Но этот визит его по-настоящему испугал.

— На всякий случай, — решительно произнес он и вытолкнул молодого человека в дверь, ведущую в сарай.

Нет, его предосторожность тут ни при чем. Он просто арендовал старый пакгауз. Все остальное тут уже имелось, и он просто пользовался помещением.

— Верховцев, немедленно откройте! — снова раздался властный стук в дверь.

— Иду, — наконец откликнулся инженер. — Ступайте домой, Саша. Завтра увидимся. Мало ли что на меня наговорили. Люди они знаете, какие? А вам со мной в участке делать нечего.

— До завтра? — с долей сомнения уточнил юноша.

— Ну конечно, до завтра, Саша. Как обычно.

Верховцев, провернув ключ в замке, направился к двери, в которую вроде как пока прекратили колотить. Но никаких сомнений, если он в скором времени не откроет ее, то все повторится. И вообще, чем дольше простоят стражи порядка снаружи, тем более раздражительными войдут внутрь.

— Почему так долго не открывали? — строго произнес ступивший в ярко освещенную мастерскую околоточный.

Вслед за ним в помещение прошли двое городских. Не сказать, что Верховцев так уж задавался вопросом, кто является их околоточным. Но несколько раз он все же наблюдал полицейского со стороны. Правда, не знал его имени. Впрочем, это ведь поправимо.

— Простите, а с кем имею честь? — спросил он.

— Околоточный надзиратель Ляпов Игнатий Семенович.
— Ясно. Чем обязан?
— Вы здесь один? — не ответив, поинтересовался околоточный.
— Да.
— А ваш помощник? Мальчишка у вас тут вертелся.
— Я не знаю, где он. Сегодня его не было, — решил оградить подростка от неприятностей Павел Валентинович. — Он что-то натворил?
— Ничего особенного. Он мог кое-что видеть. Где он проживает?
— Не знаю, — покачал головой Верховцев.
— А фамилия у него есть?
— Я не спрашивал.
— Как так? — вздернул брови домиком полицейский.
— Он хороший помощник, и мне этого достаточно. Руки растут из нужного места, кое-что смыслит в механике. На уровне ремесленного училища, но для помощника этого более чем достаточно. Основная работа лежит на мне. И все же, он что-то натворил?
— Нет, Павел Валентинович, он ничего не натворил. Говорю же, он интересуется нас только в качестве свидетеля. А вот вы — другое дело.
— Я-а?
— Именно вы. Я получил указание от обер-полицмейстера столицы доставить вас в столичное управление. Вон даже двоих городских прислали. И потрудитесь прихватить с собой всю документацию на ваше изобретение. Кстати, это оно? — Полицейский ткнул пальцем в двигатель, пристроившийся на массивном верстаке.
— Да. Это мое изобретение, двигатель новой системы.
— Н-да. Ну, тащить его нам никто не приказывал. Пусть остается.
— Да в чем, собственно говоря, дело? — возмутился инженер.
— В точности мне неизвестно. Но, кажется, кто-то обвиняет вас в том, что вы украли его изобретение. Павел Валентинович, — предвосхищая недовольство инженера, околоточный поднял руку в примирительном жесте, — я понятия не имею, что вы тут изобрели. Я просто выполняю приказ. Прошу понять меня правильно.

— Л-ладно. Если позволите, я умоюсь, и мы можем отправляться.

— Я так понимаю, к вам домой за бумагами? — уточнил Ляпов.

— Вот еще. Идти домой в сопровождении полицейских чинов.

— Но я получил приказ.

— Все чертежи, расчеты и выкладки здесь. Я как раз работал с ними.

— Ясно. Благодарю вас.

Это было последнее, что слышал Верховцев в своей жизни. Потому что в этот момент отточенный клинок вошел ему в почку, оборвав так и не родившийся вскрик.

— Это... зачем это? — испуганно выдавил из себя околоточный.

— Не журишь, Игнатий Семеныч, накину тебе еще пару сотен для успокоения совести.

— Н-но-о...

— Никаких «но». Ты совершал обычный обход, а что там случилось после того, как ушел, и знать не знаешь. Все, стой в сторонке. Иван!

— Я, Петр Анисимович! — отозвался второй городской.

— Неси из пролетки адскую машинку. Детище убило своего создателя, это происходит повсеместно.

— А мальчонку искать не будем?

— Чего его искать. Мальчишка как мальчишка. Ну знает, с какой стороны за напильник держаться, так и что с того.

— Ясно.

Отправив помощника на улицу, старший подошел к рабочему столу и, не вдаваясь особо в детали, стал жечь бумаги в большом железном ведре. Он хотел быть уверенным в том, что ни одна бумажка не уцелеет, выметенная взрывом за пределы пакгауза.

Покончив с документами, напарники опрокинули две бочки с бензином, стоявшие в углу. После чего старший положил на двигатель адскую машинку, и мужчины вышли из пакгауза, заперев за собой дверь.

Взрыв и пожар случились через час. Причем полыхало так, что пламя перебросилось на соседние строения. Учитывая же то, что в этих пакгаузах размещались угольные склады, хотя

и практически пустые в настоящее время, на долю пожарных выпала тяжелая работа. Согласно полицейскому заключению возгорание произошло в результате взрыва изобретения одного из арендаторов. Его останки были обнаружены в снимаемом им помещении, выгоревшем дотла.

Глава 1

ПАРЕНЬ С НЕПРОСТЫМ ХАРАКТЕРОМ

— Здравствуй, Вадик.

— Ты-ы...

— Я, конечно. А ты думал, заявку на меня оформили, так я по углам стану прятаться?

— Лучше иди своей дорогой и не усугубляй ситуацию.

— А то что? Хуже будет?

— Будет.

— Это как? Ты и твой папаша-судья еще пару лет накинете?

— Сомневаешься? — даже слегка вскинув подбородок, нагло произнес молодой человек лет двадцати пяти.

— Ничуть, — мило улыбнувшись, ответил его сверстник, высокий и крепко сбитый парень, девяносто кило живого веса без капли жира.

А потом без предисловий нанес удар ногой в голень стоявшего перед ним представителя «золотой» молодежи. Удар вышел настолько сильным, что послышался явственный треск. Вадик упал на асфальт подъездной дорожки как подкошенный и тут же огласил двор многоэтажек криком, полным боли. Хм. Похоже, нога сломана. Впрочем, плевать. Хуже уже не будет.

Парень, нанесший удар, словно не замечая людей, находящихся во дворе, присел рядом с упавшим и закрыл его рот своей ладонью. При этом он держался абсолютно спокойно, словно ничего особенного и не происходит. Хотя он отчетливо видел, как две женщины сразу вскинули к уху сотовые телефоны, наверняка вызывая полицию.

Молодой паренек лет шестнадцати все снимал на видео. И помешать ему не было никакой возможности. Только если догонишь. Но это вряд ли. Очень может быть, что скоро этот ролик будет выложен в соцсетях. Плевать. Запись с мобильного,

да еще и с такого расстояния. Это не доказательство, а так, недоразумение. Хотя папаша Вадика очень даже может посчитать это доказательством, да, скорее всего, так и сделает. Но... Петру и впрямь было плевать, плюс-минус пара лет ничего не решали.

— Прикинь, Вадик, как мне все поровну. А теперь слушай. Ты знаешь, что был неправ. Я это знаю. И все кто там был, это знают. Хотя сейчас и дают показания против меня. Но посадить твой папаша решил меня. К сожалению, помешать по закону я ему не смогу. Завтра заседание, где будет решаться вопрос о моем аресте на время следствия. Адвокат говорит, что дело не стоит выведенного яйца, а я знаю, что завтра начнется моя долгая отсидка. Но я завтра не пойду на заседание суда. Не хочу. Конечно, меня могут поймать и накинуть срок. Но видишь ли, Вадик, тюрьма — это такое дерьмо, откуда рано или поздно выходят. А вот из могилы не встают. Понимаешь? Мне плевать, как ты будешь решать со своим папашей, но заяву ты заберешь и забудешь о моем существовании. Хотя можешь этого и не делать. Сам решай.

Петр поднялся на ноги и, отряхнув колени, посмотрел на юного папарацци. Задорно ему подмигнул и окликнул:

— Ну как картинка?

— Класс, — с наглостью человека, уверенного в своей безнаказанности, ответил паренек.

— Наверняка хорошо бегаешь?

— Да уж неплохо.

— И Саню Кривого, наверное, знаешь? Чего молчишь? Его тут все знают.

Саня Кривой был воспитанником детского дома в Ессентуках, откуда, собственно, вышел и сам Петр. Причем воспитанником он был непоседливым: ходил по грани, останавливаясь только в шаге от колонии. Хм. Не всегда, в общем-то, останавливаясь. И сколько Петр с ним ни разговаривал по этому поводу, все без толку. К тому же пока Кривому везло. Так вот, этого оторву могли не знать лично, но слышали о нем все подростки трех микрорайонов, граничащих друг с другом.

— Ну, знаю, — ответил паренек.

— Тогда сотри запись и иди своей дорогой. Я бегать за тобой не буду. Выздоровливай, Вадик, — посмотрев на лежащего на асфальте страдальца, обратился к нему Петр. А потом, подмигнув, закончил: — Надеюсь, здоровье тебе все же понадобится.

Картинно помахав ему ручкой, Петр развернулся и зашагал в сторону проезжей части улицы Октябрьской. Там на обочине была припаркована его «четырнадцатая». Не новая, при покупке даже изрядно убитая. А на другую ему и не наскрести было. Но за пару месяцев он буквально преобразил ее, превратив во вполне приличный автомобиль. Удобно все же быть хорошим автослесарем.

Пусть Петр специализировался только на российских марках, это ничего не меняло. Конечно, люди весомые и со связями у него не чинили и не обслуживали свои авто. Они все больше предпочитают иномарки, да и то стараются избавиться от них до того, как те начинают доставлять проблемы. Но заработок и российский автопром вполне обеспечивает, а еще позволяет обрасти нужными связями. Нашлись знакомые и для того, чтобы покрасить кузов, и для того, чтобы привести в порядок салон. Петру оставалось только приобрести необходимые материалы. С кем-то рассчитался, кому-то остался должен. Не беда. Слушись, и он поможет. Земля — она ведь круглая.

* * *

— Иван, я требую, слышишь, требую, чтобы ты немедленно надавил на полицию! Пусть закрывают этого недоумка.

— Как Вадик? — потерев руками лицо и взбодриваясь таким нехитрым способом, встретил жену председатель ессентукского городского суда Пяльцын Иван Родионович.

— Плохо. Очень плохо. Этот ублюдок сломал нашему мальчику большую берцовую кость, — едва не с отчаянием произнесла моложавая женщина.

— Инна, я тут вызвал к себе участкового, — наводя порядок на рабочем столе, где все и так было в порядке, заговорил Пяльцын. — Он уже лет пятнадцать обслуживает участок, где расположен детский дом, и этого Пастухова знает как облупленного.

— И что нового он тебе поведал об этом детдомовском быдле?

— Да так. Дополнил пару-тройку штрихов, которые никак не укладываются в характеристику и сухие рапорты. Понимаешь, до четырнадцати лет он был тем еще оторвой. Лез везде, где надо и не надо. Даже в разбоях участвовал. А потом как отрезало.

— Ну правильно. Пока был не субъект, куражился, а потом хвост поприжал, — как о само собой разумеющемся высказалась Инна Петровна.

— Это с одной стороны. А с другой — стал лучше учиться и не имел ни одного привода в милицию. Потом поступил в техникум, армия, работа. Через три года после дембеля он уже самостоятельно снимает цех. Причем в хорошем месте и с солидной арендной платой. Два года — и он участвует в долевом строительстве квартирнного дома. То есть уже скоро у него будет собственное жилье. Не та комната в малосемейке, что ему выделило государство, а отдельная квартира.

— Ты это к чему, Ваня?

— К тому, что у парня планы на жизнь. Не удивлюсь, если и с Надей он встречался не просто так, а с намерением завести семью.

— Ты хорошо подумал? Надя и он, — презрительно бросила Инна Петровна.

— Нормально я подумал, — несколько резко отмахнулся Иван Родионович. — Парень свернул с кривой дорожки и решил подняться на ноги. И у него это получилось. Заметь, не «почти получилось». Он добился своего. Осталось только обзавестись семьей и жить-поживать да добра наживать. А тут наш оболтус, и вся жизнь псу под хвост из-за какой-то плюхи.

— Плюхи?! Да у Вадика было сотрясение головного мозга. И еще неизвестно, как это аукнется в будущем, — возмутилась женщина.

— Инна ты меня не слышишь. Он, не скрываясь, при свидетелях, среди бела дня сломал ногу нашему сыну. Ему плевать на все. Понимаешь? Он одиннадцать лет карабкался из ямы, и тут его опять туда сбрасывают. Была бы у него семья, еще было бы о чем задуматься. А так... Ему нечего терять. А мы загнали его в угол. Ты это понимаешь своими адвокатскими мозгами? И он пойдет до конца. В этом участковый уверен.

— Ну так загони его крепко и надолго.

— Загону. Но на пожизненное ему все одно не наскребу, и рано или поздно он выйдет.

— Ничего, посидит, оботрется, присмирет.

— Очень сомневаюсь. И потом, наверняка он не явится на завтрашнее заседание.

— Ты боишься? Ты боишься этого ублюдка?

— Я боюсь за нашего сына. Не знаю, как ты, а я не сомневаюсь в том, что он слетел с нарезки и не остановится. Выключи